

В

СЕОБЩАЯ НАУКА ИСТОРИИ

ИОГАНН МАРТИН ХЛАДЕНИУС

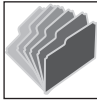
Введение

...Осуществить свое намерение – изложить герменевтику философски и систематически – и независимо от выхода в свет моего «Введения к правильному истолкованию разумных речей и произведений»¹ – мне удалось впервые в Лейпциге, где я работал в университете²; изложение это и было побуждением к более пристальному рассмотрению интересующего меня предмета.

Виды истолкования, из которых впоследствии возникают комментарии и заметки, зависят среди прочего (или скорее преимущественно) от содержания книг и их материи. Я основывался на разделении книг и их фрагментов на догматические и исторические. На пути истолкования догматических встречено мало трудностей, ибо в моем учении об истолковании разумных речей³ я настолько хорошо разделил все фрагменты догматических книг на определения, основоположения и теоремы, что во-

все не составило труд показать, где для определенных читателей могут возникнуть трудности (и это относительно любого фрагмента) и как эти трудности с помощью предпосланного выше истолкования преодолимы. Но с историческими книгами все обстояло по-другому. В догматических книгах мы встречаем в себе оформленные всеобщие истины, в исторических – нет. Необходимо, таким образом, дать новые воззрения на исторический фрагмент, являющиеся *elementa* исторических книг, и точнее исследовать качества исторического познания...

Легко было сделать вывод, что точное познание, если оно носит черты исторического (вследствие обстоятельств), также может сослужить службу при объяснении и сообщении истин откровения, тем более что многие фрагменты священных книг, не относящихся непосредственно к историческим, тем не менее имеют много общего с последними...

Необходимо распространить уверенность на все моменты и знать, что в них не без пользы для себя можно обнаружить истину... Однако новое учение о вероятном, казалось, могло нанести этой уверенности непоправимый ущерб, будь оно до конца проведено так, как начато⁴. Ведь вероятность (правдоподобие) есть не что иное, как род неуверенности (неведения); и там, где допускается вероятность, там очаровываются неведением.

Но неужели все искусство истолкования, вся история, все устойчивое в нашей жизни, вся внутренняя структура наших действий⁵ лишь вероятны? Я не согласен с этим; рассудите сами, насколько мои усилия опровержения этого чрезмерны или необоснованны. Когда из области достоверного знания исключаются большие и значимые части, оно страдает. Однако нельзя не ответить на вопрос, почему же столь многие важные виды знания должны быть раз и навсегда вычеркнуты из области достоверного из-за упрека в вероятности? И к историческим знаниям относились бы более почтенно, если бы не обращали внимания на эти обоснования его недостаточности. Я защищаю этот вид знания разумными размышлениями о вероятном (правдоподобном) и опасном злоупотреблении этой вероятностью. Я имею в виду начинания в моих прежних работах⁶. Однако это только начало. Необходимо провести более точное исследование, показывающее, что пища

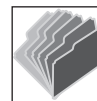
скептицизма в истории – отсутствие в ней основоположений, руководящих положений... Любовь к уверенности познания понудила меня бороться против исторического скептицизма⁷, объясняя это познание...

Каждый, кто обращает внимание на знаки нашего времени и сосредоточенно размышляет над ними, увидит, что об учении Господа заботятся те, кто противостоит опасным попыткам скептиков и натуралистов⁸, и противостоит не оружием телесным, а оружием света...

Всеобщее рассмотрение имеет свои преимущества... Все царство истин делится на всеобщие и исторические. Первые понимаются с помощью прекрасных правил логики; каждый их может узнать... Не имеют ли и исторические истины права быть объятыми правилами...

Я утверждаю: все, что есть в историческом познании помимо теологии, – то как бы маленькое подобие, маленькое отражение больших истин откровения...

Тому, кто хочет поведать о божественных делах, о чудесах, небесных свидетельствах и свидетелях, о божественных заповедях, о тайнах, о данностях и путях сердца, о следах божественных дел, о печатях божественных предвестий, тому, кто хочет все это отстоять, – тому будет много легче, когда он будет основательно направлен этими делами, чудесами и т.д. Ведь если он знает о них не больше, чем те, кто постигает это благодаря общению с другими, без дальнейшего проду-

мывания, то он знает мало. Рассказ обо всем, исходя из основ — вот задача всеобщей науки истории, которая и предлагается здесь читателю.

Глава 1. Об историческом познании в целом

§ 1. Люди специфически представляют себе данности мира

Мир — неохватываемая в понятии большая совокупность конечных и бесконечных сущностей; в нем самом и во всех его частях происходят бесконечные изменения. И только бесконечный дух, или высочайшая сущность, представляет себе мир с его изменениями абсолютно отчетливо; но и ограниченный дух, или одаренные создания, обладают силой представлять себе мир с его изменениями, но ограниченно; ибо не в состоянии познать все данности и изменения, равно как и всю взаимосвязь. Так как каждый вид конечного духа представляет себе мир специфически, то нам весьма важно знать, как *люди* сотворяют свое познание этих изменений⁹.

§ 2. Что есть историческое познание?

Если мы познаем действительность вещи, которая длится, то мы говорим: она есть. К примеру: солнце есть. Есть мир. Есть

согласие. На поле есть камни. Если мы хотим указать на вещи, которые либо целиком, либо частично проходят, мы говорим: они случаются. К примеру, произошла битва. Ударил гром. Познание вещей, которые есть и случаются, называется *историческим познанием*.

§ 3. Что есть данность и обстоятельства?

Изменение в мире, в своей действительности и рассмотренное само по себе, является *данностью*... Вещь, которая есть и которая либо содержится в понятии другой вещи, либо зависит от него, называется *обстоятельством*. Данность, изменяющая следствия другой данности, является *случаем*.

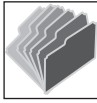
§ 4. Что есть историческое предложение?

Если мы присутствуем при какой-либо данности и сознаем ее, то в нашем сознании возникает предварительное суждение (предрассудок). Оно и заставляет нас вспомнить слова, которыми это может быть выражено...

Предложение, которым выражается данность или наше предварительное суждение о ней, мы называем историческим предложением.

§ 5. Что мы называем одной данностью?

Одно историческое предложение должно выражать одну

данность... Необходимо уточнить, что является одной данностью? Данность – изменение в имеющихся в наличии вещах. Если я воспринимаю изменение как одно и не делю его дальше, то оно может быть рассматриваемо мною как одно...

§ 6, 7, 8, 9, 10, 11. Способы увидеть множество данностей как одну

Если подобные изменения следуют в ряду одно за другим, то их можно рассматривать как одно. Аналогично, если мы имеем дело с подобными изменениями в непосредственной близости одного с другим...

Равно и следование изменений одного за другим в определенном порядке позволяет рассматривать их как одно...

Рассмотренное как единое изменение в силу единства рассмотрения является одно.

Если изменения подчиняются одному моральному или физическому понятию, знакомому зрителю, то они принадлежат к одному виду и рассматриваемы как одна данность...

Все данности, соотносимые с одной вещью, рассматриваются как одна...

§ 12. Всеобщее руководящее замечание

Данности бывают разными, среди них встречаются те, которые не могут быть различимы лишь простым вниманием, а также те, которые невозможно раз-

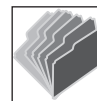
личить ни по времени, ни по месту, ни по внутренним свойствам. Именно потому, что их не могут различить или с определенным намерением не хотят различать, они усматриваются как одна данность.

§ 13. Что есть история

Ряд данностей называется *историей*. Слово «ряд» обозначает здесь, как и в обычном словоупотреблении, не только разнообразие или множество; он указывает, скорее, на связанность, взаимосвязь одного с другим; на ту взаимосвязь, которая, как далее будет показано, может быть усмотрена. Из сказанного легко понять, как одна данность, если ее собственно рассматривать, ведет к истории; и, напротив, как история, когда ее komponуют, становится данностью. Понятия *данности* и *истории* должны быть точнее различены.

§ 14. Различения истории от познания истории, равно как от рассказа и сообщения

Представление о данности отличается от самой данности и выражается историческим предложением, аналогично и историю необходимо отличать от познания истории. Мы представляем данность через суждения о данности и выражаем предложением; история, как ряд или множество данностей, представима через множество суждений рассудка (понимания) и выражаема

через множество предложений. Предложение, с помощью которого выражается некоторая история, называется *рассказом*. Слова, через которые выражается либо данность, либо также рассказ, называются *сообщением*. Подобными разъяснениями мы вовсе не пытаемся оправдать слова в их незнакомости или непонятности, нет, мы пытаемся иметь дело с *основными понятиями* исторического познания, которые должны быть определены как наиболее простые и всепригодные на основе простоты и правильности...

§ 16. История и рассказ взаимосвязаны

Не бывает исторических предложений, рассказов или сообщений тогда, когда не происходили события или история, ими выражаемая. Данности и история, не представленные нам, не могут стать прологом к нашему вниманию; таким образом, к данностям относятся рассказы и сообщения. И наоборот: к рассказам и сообщениям относятся истории. Многие вещи так взаимосвязаны, что одну невозможно увидеть без другой; однако их надо отличать одну от другой, ибо трудности изучения истории часто исходят от самой истории и данности, но часто из рассказов и сообщений.

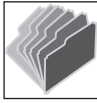
§ 17. Что означало бы слово «история»

Собственно греческое слово¹⁰ «история» указывает как

на данности, рассмотренные сами по себе и изнутри самих себя, так и на представления об этих данностях, из которых впервые образуется связный рассказ. Кроме того, это слово употребляется и относительно отдельных данностей и историй. Такие значения мы можем прояснить себе из часто встречаемых употреблений. Понятие и значение слова «история» довольно многогранны; ими охватываются *данности, случаи, исторические предложения, обстоятельства, истории, рассказы и сообщения*. Поскольку эти различные понятия объединяются одним словом, то часто при употреблении его мы впадаем в заблуждение. Поскольку все это в определенной степени взаимосвязано, то необходимо их представлять вместе, по крайней мере в определенных случаях. Поэтому когда необходимо различие, мы вводим для каждого собственное имя.

§ 18. Истории должны иметь определенного субъекта

Данности, как и истории, суть изменения. Изменения предполагают субъекта, существующую длительно сущность, или субстанцию. Поэтому, во-первых, данности и история должны иметь субъекта, к которому они относятся. Во-вторых, исторические предложения, рассказы, сообщения, должны каждый раз иметь своего субъекта, изменение которого они и доносят до нас. Однако в некоторых случаях

субъект можно уподобить субстанции, а в других это сделать достаточно проблематично¹¹...

§ 19. Как они могут иметь множество субъектов?

Конечные вещи имеют дело с другими конечными и к тому же изменяющимися вещами; данности одних, следовательно, часто имеют отношение к данностям других (как история человека всегда включает в себе нечто от истории его родителей и его детей). Из этого следует, что части одной истории не всегда имеют одного субъекта, но иногда могут говорить о различных вещах.

§ 20. Вид субъекта

Изменения происходят постоянно, однако субъект данности и истории остается, длится. Поэтому субъект каждой данности, изменения, истории, рассказа – истории как таковой – относится к вещам, которые есть.

§ 21. Где начинается познание истории?

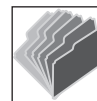
Субъект изменения и данности относится к вещам, которые есть. Однако он в то же время является субъектом исторического предложения, которым выражена данность. Поэтому субъект предложения более известен, чем его предикат; поэтому субъект данности или истории более известен, чем сама данность или история¹².

§ 22. Познание истории имеет два объекта

Историческое предложение возникает частично из познания субъектов, частично из познания изменений. Субъект относится к вещам, которые есть; изменения, напротив, – к вещам, которые проходят. Отсюда: 1) в каждом историческом предложении познание вещей, которые есть, связано с познанием вещей, которые проходят; 2) если познание субъекта предполагается, а познание данности или предиката из этого следует, то внимание направляется на изменение вещи (разумеется, после познания вещи самой по себе и для самой себя)...

§ 23. Познание вещей, которые есть и которые проходят, взаимосвязано

Если познание изменений вещи направлено познанием самой вещи, а сама вещь принадлежит тому, что есть, то нельзя, во-первых, признавать точным познание тех данностей мира, о степени связанности которых с вещами мы не знаем. Познание вещей, которые есть и которые проходят, осуществляется историческим познанием. Из этого следует, во-вторых, что можно было бы попытаться объяснить довольно известную и крупную часть истории, касающуюся собственно вещей, которые проходят, соответствующей удобной для применения теорией.

§ 24. Наличие зрителя
необходимо для истории

Историей становится рассказ или сообщение – некто представляет себе нечто и выражает это словами. История все это в себе объединяет. Следовательно, она требует, чтобы каждый рассказ был представлен зрителем этой данности и оформлен им в рассказ и историю...

§ 26. История касается
и будущих вещей

Познание вещей прошедших обычно и представляется историческим познанием; но именно потому, что познание прошедшего – самая большая часть истории. Однако также известно, что наше разделение вещей и наше познание в обычной жизни не всегда оформлено исторически, а, скорее, мы повсеместно следуем правилу: *a potiori fit denominatio*¹³. И это можно отнести к понятиям исторического познания. Ибо познание прошлого очень тесно связано с познанием будущего. И мы имеем взгляд в будущее – не только через откровение, но также в астрономии и в ежедневных делах бизнеса...

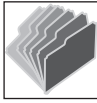
§ 38. Правила исторического
познания относятся
к учению о разуме

Наш разум столь часто и под разными именами занимается историческим познанием, и

здесь (как и во всех других часто повторяемых действиях) человек начинает понимать, что это происходит по определенным, может быть, не всегда известным правилам. Правила можно четко изъяснить и вывести одно из другого (как это уже сделано с правилами всеобщего познания). Все то, что наш рассудок созерцает при познании правды, относится к учению о разуме, и правила, которыми руководствуется историческое познание, являются фрагментом учения о разуме.

§ 39. Первое примечание

Если наука об историческом познании является фрагментом учения о разуме, то необходимо обратить более пристальное внимание на некоторые моменты, чтобы избежать неправильного понимания. Во-первых, известно, что начиная с Аристотеля и до наших дней в учении о разуме пытаются рассмотреть четкое здание всеобщих истин, которые основательно упорядочены. Понятно, что это не могло помочь историческому познанию, ибо сообщения не принимались во внимание: история как таковая в порядке старой философии была практически невозможна. Во-вторых, наше поучение во все не говорит о том, что необходимо изменить существующее до сих пор строение учения о разуме. Напротив, разъяснение, труд которого мы берем на себя, претендует лишь на его

небольшое увеличение. Сама наука предполагает логику в предшествующем объеме; и не столько потому, что мы пытаемся именно с помощью тех же правил сделать доказательство этого искусства лучше; скорее потому, что в основу мы кладем понятие учения о разуме. Поэтому практически все, что является искусным в историческом познании, что отличает людей от зверей и роднит их в их человечности, базируется на всеобщем познании. Приступая к рассмотрению историческим наблюдателем изменений, данностей и истории, мы им уже вооружены.

§ 40. Второе примечание

Когда предпринимают попытку, подобную нашей, то используют довольно пространное понятие разума. Лейбниц уже пришел к мысли о том, что если мы хотим применять естественное право в учении о гражданском обществе и государстве, то необходимо отыскать лежащее в основе всех трех (и отличающееся от предыдущих) учение о разуме¹⁴. Все согласятся с тем, что понятие вероятного должно иметь гораздо больший вес в учении о разуме, нежели до сих пор. Само учение о разуме, взятое в своем узком значении, во все не потеряет своей ценности; при рассмотрении прочих частей оно будет иметь то же место, которое имеет геометрия Евклида относительно более высокой геометрии.

Глава 2. О данностях тел

§ 1. Мы представляем тела благодаря истории

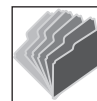
Благодаря нашему ощущению, равно как и истории, нам даются преходящие вещи...

§ 13. Ощущения не дадут отчетливых понятий

Если мы довольно быстро вращаем головой, то мы не различаем окружающие нас вещи, однако вещи, которые уже давно нам известны, все-таки более различимы, чем вещи, которые мы видим в первый раз. С помощью этого правила можно объяснить частично, почему людям в детстве требуется так много времени, чтобы прийти к отчетливому познанию вещей. Ребенок получает каждый раз новый взгляд либо благодаря изменению места, либо благодаря повороту головы и так постепенно учится видеть нечто новое, но при этом взгляд на отдельные вещи тоже изменяется. Именно поэтому столь поздно ребенок научается отличать одни тела от других...

§ 14. Как мы учимся мыслить отдельные тела. Первый способ

Все составные части одного видения, как следует из истории, зависят одна от другой, и, более того, все кажется первоначально одной единой вещью.

Однако постепенно мы учимся различать фрагменты этого видения как особые тела. Это происходит обычно через частые движения: когда тело движется, оно находится перед одной или другой вещью и представляется связанным с ней. Этим вещам, с которыми оно связано, становится так много, что мы в конце концов их забываем; и наконец, представляем вещь без каких-либо связей, которые ей всегда навязывает перспектива. Так мы мыслим определенное тело особенно, не отдавая себе отчета в том, каким же образом идея возникла в нас. Просто первый взгляд ничего не дает, ибо одно тело нам никогда не дано видеть.

§ 15. Как мы учимся мыслить отдельные тела. Второй способ

Примерно к тому же самому результату мы приходим, когда тело не меняет свое место, однако мы его видим то из одного, то из другого зрительного пункта, ибо оно представляется нам всегда с другими вещами, даже в связи с другими вещами. Когда этих связей становится много, то мы их все забываем и учимся мыслить тело само по себе.

§ 16. Рассмотрение одного тела: что является его стороной?

Тела, помимо поверхности, имеют также ширину. Поверхность — это то, от чего отражают-

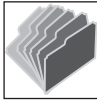
ся лучи в наш глаз. Согласно природе света, который всегда идет лишь по прямой и отражается тоже по определенным правилам, мы не можем с помощью одного пучка лучей увидеть всю поверхность сразу, но лишь ее фрагмент. Настолько, насколько вернулись отраженные лучи в наш глаз, мы ее можем видеть. И та поверхность, которую мы можем видеть в одно мгновение, называется стороной. Понятно, что тело имеет много сторон.

§ 17. О точке зрения

Место, с которого наш глаз зрит тело, называется точкой зрения. И это тройко сказывается на том, что тело видится так, а не иначе. Во-первых, все зависит от удаленности от вещи (близко или далеко она от нас); во-вторых, от положения глаз, от того, какая сторона тела ближе, а какая дальше от них. И в-третьих, от материи, которая позволяет различать ощущения отдельных вещей и ощущения обобщенных вещей. Последние можно различать благодаря ей или, напротив, благодаря вниманию¹⁵...

§ 39. Многие истории касаются не отдельных тел, а их множеств

Во многих историях речь идет не об отдельных телах, но о множествах тел. Когда имеют дело с одним телом, то при наблюдении его изменений и данностей и следующего из этого наблюдения рассказа не возникает труд-

ностей; они возникают из вовлеченности и положения зрителя, которые должны быть учтены. Однако данности отдельных тел составляют лишь небольшую часть данностей телесных вещей. А более крупные составляют не отдельные тела, но множества... Например, на определенном участке дерева съедены гусеницами, реки определенной страны разливаются в определенное время и т.д. Представление о множестве является в повседневной жизни обиходным, практически постоянно применяемым, довольно известным. Множество есть нескитанная совокупность похожих вещей. Однако в философии, в учении о разуме все как будто бы договорились направлять свое внимание только на абстрактные науки, которые оперируют не множествами, но родами и видами. Наше рассмотрение суждений типа общих мест в логике является первой попыткой подобного рода. Мы постараемся здесь ее кратко воспроизвести и подчеркнуть те следствия из нее, понять которые просто необходимо.

§ 40. Кратчайшая теория множеств

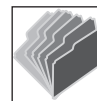
Когда думают и говорят о множестве, то представляют себе обычно одни отдельные вещи ясно, а именно те, которые находятся ближе всего. То, что принимают для одних, пытаются предписать и всему множеству. К примеру, два сына одного человека, которых я знаю, вовсе не добродетельны, и я

говорю: сыновья принесут человеку страдание и зло. Однако, может быть, тот самый человек имеет двух других сыновей, которые воспитанны и прилежны. Можно сказать: дети доставят человеку счастье. Эти предложения выглядят противоречивыми, однако их не только можно, но и нужно объединить. Этого невозможно проделать без следующего ряда понятий, которые ученые должны знать для исторического познания так же хорошо, как они давно знают членение предложения и правила вывода.

Несчитанная совокупность вещей, даже если они могут быть сосчитаны, называется *множеством*. Те вещи из этого множества, которые хорошо известны, называются *примерами*. Те вещи из множества, которые по отдельности не очень известны, называются *остальными* или *остатком*.

§ 41. Различение всеобщих замечаний

Если качества одной или некоторой группы переносятся на все множество, то это называется *всеобщим замечанием*. Из этого видно, что индивиды, которые все вместе составляют множество независимо от своего подобия, благодаря которому они объединены в множество, могут иметь противоречащие качества (как я показал в § 40 на примере сыновей); и тем самым могут дать повод к противоречащим всеобщим замечаниям. В случае, когда приходят к двум

противоречащим всеобщим замечаниям, необходимо более тщательно исследовать ту совокупность, из рассмотрения которой и выведены эти два замечания; тем самым открывая источник противоречия. И иного пути к истине нет.

§ 42. Всеобщие предложения

Гораздо хуже обстоит дело, когда на основании изучения определенной совокупности отдельных вещей и их качеств заключают ко всему *виду* и пытаются уравнивать в правах эти всеобщие замечания со всеобщими предложениями, которые как раз-то и *выведены* из всеобщих понятий. Я имею в виду предложения: все вороны должны быть черными, ни одна рыба не летает, которые, не долго думая, зачисляют в философские всеобщие истины и которые тем не менее ложны. Вопрос, насколько возможно из чистого опыта вывести действительно всеобщие истины, касается лишь расширения физики¹⁶, а вовсе не истории. Поэтому мы можем пройти мимо него. Нам важно как раз рассмотреть собственные понятия опыта.

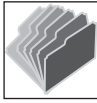
§ 43. Разделение внутри множества

Поскольку множество состоит из тех отдельных индивидов, которые могут иметь различные качества, то особым видом исторического познания

является различение в одном множестве различных составляющих его разновидностей. К примеру, во всем огромном множестве звезд увидеть звезды первой, второй, третьей величины и так далее. Когда речь идет о лесе, который не столь велик, то в принципе можно даже просчитать, сколько в нем вязов, дубов, берез, сосен.

§ 44. Различение опыта и ощущения

Опыт имеет место тогда, когда из ощущений делают всеобщие предложения. Это предложение может быть всеобщим или годиться для определенного множества. Поэтому опыт отличается от ощущения тем, что хотя и состоит из того же самого, но образуется в силу либо сведения в совокупность, либо заключения. Когда мы имеем дело с ощущениями, то в видении истины мы не встречаем затруднений при наличии самого этого ощущения. Опыт же может быть ложным, даже когда ощущения истинны, хотя основывается именно на этих ощущениях; ибо вовсе не предустановлено, что человек имеет непогрешимый рассудок для того, чтобы из отдельных случаев выводить всеобщие замечания или всеобщие предложения. Еще гораздо более худшим является смешение ощущения и опыта, которое встречается практически постоянно. Мы уже опровергали это смешение в эрлангенских ученых замет-

ках № 19, 1749 г. в статье «Более точное понимание того, что есть опыт».

§ 45. Заключение от одной совокупности к другой

Когда человек пытается от нескольких отдельных индивидов заключить также нечто об остальных, по сути он пытается из данностей одного множества или некоторых множеств заключить к свойствам и данностям других множеств подобного рода. Если мы принимаем, что в Лондоне из ста рожениц две умирают и это верно для различных лет, то заключаем из этого, что не только в Париже, но и в других городах дело обстоит похожим образом, равно как и то, что в ближайшие годы в Лондоне дело будет точно так же, если не принимать в расчет каких-то необычных происшествий. Реомюр заметил, что в каждом пчелином улье есть свой король, а рабочих пчел в пять раз больше, чем трутней. Он увидел аналогичную картину в разных пчелиных роях. Из той совокупности, которая была у него в распоряжении, ученый заключает обо всем остальном множестве.

§ 46. Однако нельзя заключать из одного времени к другому

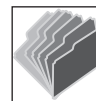
Однако понятно, насколько мало можно заключать исходя из нынешнего состояния даже отдельной вещи. Хуже дело обстоит, когда мы из современного

состояния множества пытаемся заключать о его будущем состоянии. Я не нахожу, например, в одном саду ни одной гусеницы. Из этого я не могу заключить, что в следующие годы этот сад не будет кишеть гусеницами. Необходимо пользоваться подобного рода заключениями очень осторожно. Нам важно то, что ощущения, лежащие в основе всех рассказов, не должны быть распространяемы, дополняемы таким образом.

Глава 3. О данностях моральных сущностей или вещей

§ 1. Явленные стремления принадлежат истории

Несмотря на изменения, которые происходят в человеческой душе, особенно изменения желаний людей, эти желания тем не менее имеют огромное значение, поскольку из них вытекают решения, действия, поступки и дела людей. Поэтому чистые мысли и чистые желания людей никогда не были предметом рассмотрения, особенно потому, что чужим они вряд ли могут быть известны. В истории на них делать упор нельзя. В общей жизни необходимо иметь в виду те мысли и желания, которые прорываются вовне в словах и в делах и становятся видимы в своих проявлениях.

§ 2. Поэтому они
рассматриваются
из своих внешних
следствий

Некоторые мысли привели к некоторым явленным действиям и поступкам. Поскольку они в соответствии со своей природой тесно связаны друг с другом, то и рассматриваются как одна вещь. Если кто-то насмехается над кем-то словами, то он, вероятно, смеется над ним в мыслях. Это мы и объединяем словом «насмехаться». Если один убивает другого, то мы имеем дело с желанием или расчетом. Из приведенного выше можно увидеть, как провести различие внутреннего и внешнего действий. Исследование этого принадлежит моралистам. Возьмем же внешнее и внутреннее действия как одну вещь. Тогда собственные данности души могут быть обсуждаемыми в соответствии с теми же правилами, с какими мы подходим к данностям тел, ибо они видятся людскими глазами в телесном и внешнем деянии, которое из них следует.

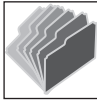
§ 3. Какое желание
является особенно
значимым?

Желание, которое длится, является для наблюдения вещью весьма важной. Оно относится к тем вещам, которые есть. Верный друг является частью нашего спокойного душевного состояния, непримиримый враг в состоянии испортить нам всю

жизнь. Точно так же и человек, который занимается определенной профессией или имеет желание заниматься ею, постоянно получает одновременно с этим определенную сущность, на которую ориентируется несчитанное множество других людей, и эту сущность теряет, когда теряет желание заниматься этой профессией... Скрытое постоянное желание, которое не имеет внешних следствий, то желание, которое многие хранят внутри себя, вовсе не имеет значения для истории.

§ 4. В котором будут
объяснены
моральные сущности

Человек имеет определенное желание – не важно, речь идет об одном человеке или о многих; это его желание известно; на это желание люди могут ориентироваться – все это называется *моральной сущностью*. К примеру, таковой является учитель, о котором другие знают, признают это и обращаются к нему (прежде всего те, кто хочет учиться). Фабрикант всегда производит определенные товары, и в результате невозможно потерять работу. Содержатель гостиницы постоянно хочет принимать и обслуживать своих и чужих. Кафедра, фабрика и гостиница являются моральными сущностями, которые возникают в желаниях людей независимо от того, связаны ли они с какими-либо телесными вещами или нет...

Глава 5. О зрителях и зрительных пунктах

§ 1. О зрителях

Только при познании данностей и вытекающих из них рассказов появляется необходимость обращать внимание на зрителя и его данность, а не только на саму вещь. И от зрителя, и от вещи зависит познание данности и, следовательно, истина рассказа.

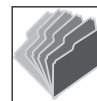
§ 2. Особенности телесных вещей

Когда зритель созерцает телесные вещи, то их изменения и данности получают совершенно иной облик в зависимости от того, близко они или далеко, высоко или низко, внимателен он или нет. Ученые и люди, знакомые с проблемой, знают, что огромные звезды суть солнца для звезд, находящихся рядом с ними. Для нас же, не знающих их действительных размеров, они – маленькие небесные огоньки... Понятие направлений света (север, юг, восток, запад) базируется на позиции наблюдателя, стоящего на земле. Все это зависит не только от процесса превращения в рассказ, но и от специфики чувственного восприятия, равно как и от самой данности. Ибо саму данность от представления мы отделить не можем. *Зритель* – это тот, кто видит некоторую вещь как современную ему. Те-

перь можно обратиться к внутренним и внешним чувственным восприятиям зрителя. К внутренним – через то, что происходит в нас самих, к внешним – через происходящее вне зрителя.

§ 3. Различные понятия точек зрения

При рассмотрении чувственных восприятий тел обращается преимущественно внимание на зрение, которое является не только отчетливым чувством, но и тем чувством, которое может быть использовано при различных изысканиях; при рассмотрении его достаточно ясно, что является точкой зрения. Это место, где находятся глаза зрителя. От этого зависят в большой степени видимые данности, которые каждый распознает своими глазами. Необходимо добавить, что все это довольно подробно рассмотрено в оптике. Для исторического познания необходимо рассматривать это понятие в отношении видимых вещей. Во-первых, необходимо принять во внимание положение глаз, учитывать остроту глаз, их силу видеть близкое или далекое. Это – первое расширение понятия точки зрения. Мы имеем ряд чувств, которые связаны с внутренним и внешним состоянием и качествами, воспринимаем так или иначе определенные вещи; поэтому, захотев передать другому наши чувственные восприятия, необходимо посмотреть на состояние наших органов чувств; при чув-

ственном восприятии состояние наших органов чувств называется точкой зрения. Вышесказанное и является вторым расширением этого понятия, которое необходимо.

§ 4. Прибавляется и третье расширение

Опыт учит нас, что, занявшись своей душой и имея дело с чувственными вещами, человек начинает воспринимать вещи, которые он раньше не воспринимал чувственно, а также не воспринимать вещи, воспринимаемые другим; кроме того, будучи здоровым, он воспринимает вещи по-другому, нежели боля; короче, от глаз зависят чувственные восприятия, равно как и история, которая строится на основе этого восприятия. Как мы уже писали в § 3, также необходимо учитывать состояние тела и души, то есть брать в рассмотрение всего человека целиком, если берем в расчет уже имевшиеся чувственные восприятия и вытекающие из них рассказы. Таким образом, именно состояние всего человека, который видит определенную вещь и данность, и есть точка зрения этого человека (что и является третьим расширением понятия точка зрения).

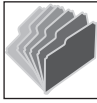
§ 5. Что есть в человеке от зрителя

Перед нами история отдельного человека. Очевидно, что

он – собственный зритель того, что он делает, и того, что им движет. В остальных случаях каждый человек – зритель многих других и каждый человек имеет множество зрителей. Отсюда можно вывести различные виды зрителей, в основание положив различные виды связи среди людей, которые живут в одном месте или которые находятся неподалеку друг от друга: мы можем говорить о живущих под одной крышей, о соседях, о коллегах, о кредиторах и т.д. И чем больше связей сходится в точке одной личности, тем больше другой наблюдает... Можно сказать, что мы знаем кого-то внешне и внутренне. Собственно то, что мы не можем увидеть, куда не можем поместить зрителя, мы называем тайной; что происходит внутри одной личности как личности, является внутренним, а собственно внутреннее, то, что внешне нельзя увидеть, не берется в рассмотрение...

§ 6. Зритель и моральные сущности

Члены, равно как и участники, и враги определенной моральной сущности, находятся по сути дела вблизи нее и могут быть рассматриваемы как зрители, ибо все они знают ее как современную, знают то, что происходит с этой моральной сущностью и что происходит в ней. Все эти люди ведут себя по отношению к этой моральной сущности по-разному.

Посланники и их секретари приняли участие в одном конгрессе и являются зрителями совершенно различного рода; они представляют себе происходящее совершенно по-разному...

§ 7. О зрителе действий, предприятий и поступков

В отношении действий, поступков и предприятий мы можем разделить людей на тех, от кого исходят собственно импульсы действий, людей, осуществляющих его, а также врагов и просто участников, аналогично делению в отношении моральной сущности. Каждый из них является зрителем этих самых действий, поступков и предприятий или вообще истории, с которой он имеет дело...

§ 12. Всеобщее понятие точки зрения¹⁷

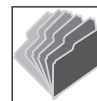
Поскольку точка зрения связана с различными данностями объектов и зрителя и в столь различных своих модификациях, то *нужно* охватить все эти различные понятия в одном всеобщем понятии. Оно таково. *Точка зрения* – это внешнее и внутреннее состояние зрителя в той степени, в какой оно является определенным видом восприятия и рассмотрения имеющих место вещей. Это понятие является чрезвычайно важным в современной философии и стоит наряду с ее ключевыми понятия-

ми. Однако применять его еще не привыкли. Можно указать только на один пример – господин Лейбниц, в метафизике и психологии. В историческом познании к этому неизбежно придут.

§ 13. При восприятии и описании моральных сущностей их стороны приносятся самим зрителем

Когда предполагают какие-то стороны в телах, то основой этого является внутреннее качество тел, частично – положение зрителя. Когда же предполагают стороны в моральных сущностях, то это возникает потому, что определенные обстоятельства и части воспринимаются как единое и представляются непосредственно связанными друг с другом. Поэтому основа должна быть усматриваема не в самой вещи; должен быть найден зритель, который в силу особых обстоятельств и образа мыслей замечает именно такие взаимосвязи.

Следовательно, когда мы говорим о сторонах моральных сущностей, равно как и сторонах поступков, деяний, предприятий, то все это не может быть продуманно без предпосылки наличия зрителя. Когда кто-нибудь рассказывает об иллюминациях в древности... он обязательно приносит на поле древности все то, что касается необходимых действий по использованию огня.

§ 24. Правила,
в соответствии
с которыми делаются
суждения воззрения

Человеку-зрителю нужны пять чувств, но не только пять чувств. Ему нужен разум. Это означает, что его душа полна большим числом всеобщих понятий, которые он и применяет к имеющимся у него чувственным восприятиям; т.е. свои восприятия он связывает с имеющимися всеобщими понятиями настолько, насколько это возможно. К примеру, он видит камень, который ослепительно блещет; человек сведет воедино все качества и чувственные восприятия и назовет найденный камень не просто сверкающим камнем, но уже имеющимся понятием «бриллиант». Пусть зритель видит кого-то пишущим. Объединяемое в понятии «писание» не представляет для каждого из нас чего-то особенного. Во всяком случае мы не будем специально отмечать, что он держит в руке перо, которое заточено внизу, перо макает в чернильницу и водит им по бумаге; все это объединено в одном известном понятии и слове «писание»; а тот, кому оно неизвестно, не может этого сделать.

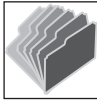
Число суждений зрителя об определенной вещи не равно числу его чувственных восприятий. Зритель замечает различные изменения и расхождения, которые с помощью имеющихся у него всеобщих понятий могут быть рассмотрены как изменения или данности. На причинах этого мы

останавливались выше и доказывали это положение. Ведь если, к примеру, видят переплетный станок, рядом с которым никого нет, все же представляют, что один соединяет полости станка, другой кладет книгу, третий сшивает ее, четвертый обрезает, пятый золотит название, шестой, наконец, доканчивает процесс переплетения. Эти данности состоят из множества действий, которые мы видим, но которые мы тут же обращаем в определенные понятия и особые виды данностей. Это происходит настолько быстро и настолько связано с естественным способом продумывания ощущений, что, даже попытавшись поближе осмыслить увиденное, мы вряд ли сможем охватить большее множество данностей. Поскольку же сообщение подобного рода везде будет считаться правдивым, правильным и довольно исчерпывающим, никто и не предположит, что о подобных вещах можно рассказать по-другому.

§ 26. История, рассказанная
одним зрителем,
никогда не будет
исчерпывающей

Тогда, когда зритель определенной данности, которую он воспринимает, пытается весьма основательно и заботливо описать ее, тем не менее не получается абсолютно исчерпывающей истории.

Поскольку он видит вещь из своего определенного состояния, то кое-что от него скрыто, а это

кое-что принадлежит также истории...

Глава 6. О превращении в рассказанную историю

§ 1. Содержание главы

Если мы хотим выяснить подлинные качества истории и в большей степени рассказов, то недостаточно знать, как зритель представлял себе все эти данности... Здесь мы собираемся остановиться подробно еще на одном деянии души, которое мы называем превращением в историю.

Данность никогда не может быть рассказана в той полноте, в которой мы ее воспринимаем, но всегда в соответствии с определенной картиной, которая возникает из чувственных данностей и их представлений благодаря памяти. Ибо мы изъясняем вещи не тогда, когда они есть в чувственном восприятии и представлении, но после – и ориентируемся на картину, которая возникла в нашей душе посредством их.

Поскольку мы уже не имеем дело непосредственно с чувственным восприятием, то могут произойти и изменения, вплоть до намерения рассказать о вещи по-другому.

§ 12. Исходная картина и производство рассказа

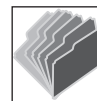
Все представления вещей называются *картинами*. Мы видим,

что картины истории, которые зритель удерживал благодаря своему восприятию, претерпевают изменения, превращаясь в историю: изменения из-за разделения вещей, которые произошли одновременно, из-за смешения восприятия и данности, из-за всеобщих выражений, из-за неизбежного упущения многих индивидуальных обстоятельств, из-за недопустимого увеличения или уменьшения, из-за составления всеобщих замечаний, из-за пропуска многих фрагментов и, наконец, из-за превращения истории в одну данность, которая вся целиком вмещается в один рассказ.

Имеет смысл говорить только о картинах отдельных данностей без их смешения и дать необходимые поучения. Поэтому мы хотим именовать представления истории так, как они впервые даются нам органами чувств, – исходной картиной; изменения, которые происходят с этими картинами, когда они превращаются в рассказ, мы назовем производством рассказа.

§ 14. Превращение истории в чувственные восприятия

Зритель, воспринявший все достаточно полно своими органами чувств, выражает это в своем рассказе; суждения видения, на которых и базируется рассказ, получают несколько иной ракурс. Риторика учит нас, как, собственно, попытаться выразить

одно и то же предложение различными способами без ущерба для правды; кто может запретить рассказчику пользоваться подобным способом мышления? Но ведь все эти способы размышления базируются вовсе не на всеобщих истинах и философски поучающих предложениях, а на исторических истинах. Необходимо обратить подробнейшее внимание на все изменения данностей и исходных картин, те изменения, которые вовсе не наносят ущерб правде, но, напротив, позволяют лучше осветить ее. Задача тем более важна для нас, что старые истории практически дошли до нас именно в песнях и стихах, т.е. именно в форме чувственного восприятия.

Разве кто-нибудь будет знать о Троянской войне, если ему не попался Гомер? Сухих рассказов тогда еще не существовало. Следовательно, подобные превращения в историю – это рассказы на основе чувственных восприятий и поэтических представлений, связанные с обычаем и понятиями, которые не изменялись на протяжении веков...

§ 16. Рассказы предполагают и другие изменения

Поскольку каждый наблюдает со своей точки зрения (т.е. смотрит в соответствии с теми обстоятельствами, которые ему привычны) и неизбежен ряд скрытых от него существенных моментов, то он вряд ли достигнет полноты истории. Первей-

шей заботой должна быть забота о прибавлении к своему рассказу сообщений других людей и тем самым приведении его в законченный вид.

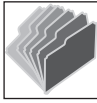
Допущения здесь явно недостаточны. Кто хочет описать жизнь одного человека, которого он достаточно хорошо знает, тем не менее не сможет миновать сообщения других людей.

§ 18. Проект рассказа

Если история длинна, то необходим проект рассказа о ней, благодаря которому можно экономно рассказать об увиденном... Этот проект возникает следующим образом: из всей истории вынимается главное действие, благодаря чему вся история может быть сведена в одно предложение и тем приближена к всеобщему понятию. Становится ясно, о каком виде (историческом предприятии, действии, моральной сущности) идет речь. Всеобщее понятие благодаря своей природе дает возможность разбиения истории на части, из которых она строится...

§ 27. Выстраивание истории

Чаще рассказывают истории и случаи, больше всего взволновавшие людей; речь идет не об обычных человеческих деяниях, но о чем-то выходящем за рамки порядка, о запутанном или даже несправедливом. Повествовать же об обычных

событиях — простое занятие. И довольно легкое, потому что всеобщее понятие дает в руки правила рассказа (§ 18), которые может знать каждый. Но если речь идет о предприятиях неопределенного или неизвестного рода, то не существует фиксированных правил, в соответствии с которыми задается план и составляется сам рассказ. Поэтому эта история может быть рассказана множеством способов; вид истории зависит от того, какие обстоятельства рассказчик пытается свести воедино.

Суть заключения, для которого предпринимается рассказ о необычном: речь идет о праведном и неправедном, о праведной или неправедной вещи; и понятия праведного или неправедного могут служить всеобщими понятиями выстраивания истории: сведение воедино всех обстоятельств должно быть таково, чтобы четко показывать праведность или неправедность действий, о которых идет речь¹⁸.

О выстраивании истории можно вести речь только в том случае, если вещь представлена в своем известном и общем виде предприятия и действия, во-первых, и в этом выстраивании может быть оценена как справедливая или нет, во-вторых. Рассказ становится вводящим в заблуждение, незначущим, если пропускает некоторые обстоятельства, с которыми как раз будут связаны праведность или неправедность вещи.

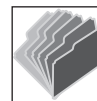
§ 28. Как прояснить историю?

Многие данности позволяют делать определенные заключения, которые трудно оправдать; но эти заключения возникают у большинства людей. Например, если кто-то что-то сделал, предполагается, что он это сделал не без удовольствия, что он был склонен это сделать и что он это сделал не в первый раз...

Однако при более близком исследовании вещи подобные необоснованные заключения и выводы исчезают. Прояснение некоторого момента или некоторой данности — это подробный рассказ, в котором частичные выводы подобного рода исходно не содержатся. Кто захочет основательно рассказать историю, тот должен, встречая подобные суждения, поправлять их; таким образом, весь рассказ может быть разъяснением, единственная цель которого — отклонение подобных неправильных представлений...

§ 29. Где прекращается история?

Окончание истории, как и проект, и основной план рассказа, зависит от всеобщих понятий. История сама по себе не кончается, она предполагает многочисленные следствия: они, однако, не будут отнесены к истории, если не имеют прямой связи с тем понятием, которое позволило бы их объединить в одно целое с остальным рассказом...

§ 34. Подлинное понятие
неискаженного рассказа
(не исходящего из
частных интересов)

Рассказ, не учитывающий частных интересов (неискаженный), – это вовсе не рассказ чистого зрителя, т.е. зрителя, чуждого данной сущности, ибо чужое вовсе не столь уж свободно – вещь ему либо нравится, либо не нравится; поэтому он становится врагом или другом и, следовательно, наблюдает все абсолютно так же, как и другие. При таком наблюдении плохо и то, что от чужого будет скрыто кое-что из того, что известно не чужому; оно-то будет плохо понято, и рассказ будет напрасен...

Неискаженный же рассказ – не что иное, как рассказ о вещи без сокрытия или переворачивания чего-то, или рассказ с чистой совестью. Напротив, пристрастный рассказ – это переворачивание истории. Подвергся ли рассказ подобному затемнению или переворачиванию, следовательно, лучше всего можно понять из другого рассказа, из противоположного зрительного пункта.

Абстрактное же воззрение вовсе не нужно в качестве судьи или нужно только при научном рассказе с претензией на общезначимость. Что касается общих и гражданских сущностей, то пусть о них рассказывают те, кто является их друзьями; пусть рассматривают все со своей точки зрения, пытаясь достичь общезначимости...

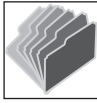
Глава 7. О дальнейшем
пересказе истории

§ 14. Каждое сообщение
необходимо
рассматривать с двух
сторон

Каждое сообщение необходимо рассматривать с двух сторон. Во-первых, обратить внимание на использование слов, опираясь на знание грамматики и словарного запаса языка. Получающий сообщение думает так же, как его посылающий; рассмотрение непосредственного понимания, т.е. усмотрение картины, которая сложилась в зрителе в результате того, что ему известно о вещи, становится возможно благодаря сообщенному. Во-вторых, мы знаем, что зритель рассказывает не все, что знает или думает. Со своей точки зрения и благодаря памяти повествует не только о вещах, но, сочиняя рассказ, как бы рассматривает все вновь; как следствие этого различают представления при рассказе у зрителя, читателя, пересказчика. Плодотворность места возникает там, где продумают все вновь; рассказ непосредственного зрителя плодотворнее, чем рассказ того, кто изучил все из рассказа этого зрителя...

§ 29. Почему столь
искажается зов вещей?

История рассказывается всегда с определенным намерением; поэтому в общем рассказе содер-

жится основа, конституирующее начало, которое необходимо учитывать, начало, специфичное именно для него. Если каждый последующий рассказчик, действуя в соответствии с представляющимся ему началом, благодаря своей силе воображения нечто изменяет, то тем самым рассказ становится другим у каждого следующего и приближается к легенде.

Глава 8. Взаимосвязь данностей и истории

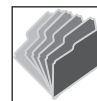
§ 1. О взаимосвязи данностей тел

Никто не сомневается, что основанием большинства изменений и данностей телесного мира являются предшествующее состояние и предшествующая данность; они-то и являются в соответствии с упорядоченным Богом ходом природы *причиной*. Однако до сих пор не предпринималось попыток показать связь *понятия причины и познания причины* с другими фрагментами *учения о разуме*... Познание причины вещи состоит в том, что из *iudicio intuitum*, т.е. приобретаемого через ощущения, делается *iudicium discursuum*¹⁹ и вывод. Физика содержит всеобщие истины, первыми полученные из опыта; объяснение причин не может быть удачнее, если брать в расчет именно всеобщие предложения и доказательства (демонстрации)

из этих *всеобщих истин*. Отыскание выводов, базирующихся не на всеобщих истинах, протекает иначе. При изыскании всеобщих истин, которые собственно могут быть известны только *a priori*, предложения, из которых все выводится, известны раньше, чем выводы; в заключении же, которое открывает причину вещи или опыта, вывод более известен, чем предложение, из которого он проистекает. При исследовании физической причины необходимо говорить о неразрешимой логической проблеме: найти из данного вывода две его посылки – всеобщую и ситуативную, а это нельзя упорядочить правилами. Рассмотрение причин телесных данностей в физике нас здесь далее не интересует, ибо в ней всеобщие истины выводятся из всеобщих понятий²⁰. Физиков интересует причина отдельной вещи в том случае, если уже есть всеобщее правило для подобного опыта. И если уже есть правила, то в физике не спрашивают, почему в конкретный день в конкретном месте в определенный час произошло определенное изменение. Напротив, в познании истории к причине подходят по-другому, и вопрос стоит не о правилах и всеобщих понятиях данностей, но «Почему в конкретном месте в конкретное время произошло то-то и то-то?»...

§ 2. Ограничение и замысел этой главы

Выходящие за обычные рамки данности, несводимые в пра-

вила, должны быть объяснены в метафизике... Взаимосвязь и причина истории, о которых мы ведем здесь речь, исходят из данностей, которые зависят от воли, решений, представлений людей... Мы пытаемся объяснить «что» и «как» человеческих мыслей, если они проясняют причины человеческих действий...

§ 16. Достаточно
описать решения
лишь приблизительно

Неполное знание обстановки решения неизбежно; ведь при решении очень многое обусловлено внутренним состоянием души и желаниями, но эти сугубо внутренние порывы каждого человека не поддаются исследованию — даже их обладатель не может их подметить точно и целиком; что же говорить об остальных...

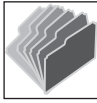
§ 35. Почему нам
неизвестны исходные
причины данностей?

Мы знаем, как связаны между собой фрагменты одной истории и как они следуют друг за другом. Однако естественное представление истории требует, чтобы данности, лежащие в основе истории, следовали в той же последовательности, в какой они связаны ходом самих вещей... Когда мы познаем историю подробным образом, то познание причин вовсе не составляет труда, если мы знаем определенные правила. Однако при выстраивании тех историй, современника-

ми которых мы являемся, часто встречаются две следующие ситуации. Первая: мы приходим к вещи или данности, предшествование которой и происходящее с ней ранее мы не видели, и нет того, кто обстоятельно научен ходом вещей, свидетелями которого мы не были. Когда есть человек, осведомленный в причинах современной вещи, то способному не трудно восстановить все так, как было... Вторая. Мы были свидетелями предшествующего, но во все не заметили оформления в эту данность или причину. Либо мы ее не увидели в силу сокрытости, либо не обратили внимания на данное обстоятельство. К примеру, человек чувствует болезнь или боль. Исходные моменты этого, бесспорно, были в нем раньше, однако все было от него сокрыто и не принималось всерьез...

§ 36. Правила
исследования
причин данности
дать довольно
сложно

...Встает задача исследования причин данности, задача, которая относится, бесспорно, к сложнейшим и запутаннейшим действиям нашего рассудка и нашей души. Исследования причин данностей тел и трудности, возникающие при этом исследовании, мы разъясняли в «Разумных мнениях о вероятном и опасном злоупотреблении ими»²¹, к которым мы и отсылаем читателей.

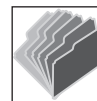
§ 42. Сравнение исторических взаимосвязей и связей всеобщих истин

Необходимо повторить замечание, касающееся взаимосвязи истории и рассказа, хотя ее мы уже достаточно осветили в соответствии с правилами разума. Говоря об учении о разуме, мы подразумеваем, что связь предложений и истин выражаема в умозаключении посредством силлогизма; так оно и есть, когда понимаются всеобщие истины; и это оправданно. Однако существует и иная связь, когда собственно из двух или более предложений делается одно, как мы показали в работе «Практическая логика»²². Легко прийти к мысли, что в отношении исторических истин верно, что их связь выражаема в умозаключениях посредством силлогизма и в доказательствах (демонстрациях), но именно тогда, когда мы знаем причины вещей. Для физической вещи разъяснение причин есть не что иное, как доказательство; в физике спрашивают не об отдельных данностях, а из ряда подобных данностей выводят правило и всеобщее предложение, его прилагают к конкретному случаю, описывая причину, — это есть собственно доказательство (демонстрация). Когда мы говорим о причинах в истории, то легко может прийти в голову, что данности мира так же следуют из предшествующих им, как заключение из посылок и, следовательно, все можно оформить заклю-

чениями, силлогизмами. Однако есть огромное различие. Всеобщие истины следуют одна из другой или одна уже содержится в другой. Относительно исторических же истин ни в коем случае нельзя утверждать, что следующее содержится в предыдущем. Что нам неизвестно в тех вещах, которые есть и произошли, то принадлежит к истории, но не к изучению истории и к историческому познанию. Предшествующим называется то, что мы знаем о прошедшем, последующим то, что мы знаем о последующем или хотим знать. Поэтому здесь не стоит вопрос: как следует последующее из предыдущего, вопрос, который бы предполагал метафизическое исследование. Речь идет о том, как последующее, которое мы уже знаем, следует из того предыдущего, которое мы также знаем.

§ 43. Связь истории отлична от связи нашего рассказа

Мы последовательно различали историю и познание истории; вырисовывается различие всеобщего познания и исторического познания. Историческое познание является человеческим познанием и действиями человеческого рассудка. История — во все не познание, она есть и тогда, когда нет познающего. В пустыне, в которой вовсе нет человека, есть тем не менее радуги, громы, обвалы, землетрясения и так далее, точно так же, как там, где живут люди. История, таким образом, должна быть первоначаль-

но познана человеком, но она вследствие нашего ограниченно-го познания никогда не станет тем, в чем все выражено и выражается так же, как оно есть. В истории, собственно говоря, нет ничего скрытого, но в нашем познании есть то, что скрыто...

§ 45. Что мы не знаем о данностях души?

Огромная часть исторического познания зависит от человеческой души; а там многое скрыто от нас.

1. Даже ясные и часто приходящие (и потому непреходящие) мысли, не выливающиеся в определенные слова и поступки, другим людям знать не дано.

2. Многие наши представления темны и быстротекущи, мы их сами не замечаем, даже если они возникли в нас; однако эти темные представления часто являются источниками наших мыслей.

3. Состояние нашей души чрезвычайно изменчиво: человек сегодня спокоен духом или угнетен, он хочет что-либо делать или нет и т.д., а от этого зависит его видение вещей...

4. Кто определит степень? Насколько мы веселы или печальны, насколько мы в гневе?..

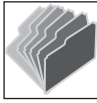
5. Даже мы сами мало знаем об искажении понятий и предрассудках, которые у нас есть до того, как мы подходим к определенной вещи, что говорить о других людях. Действия конкретного человека и данности его бесконечно далеки от того, что

мы вообще знаем о действиях и данностях.

6. Люди говорят с другими людьми, и в результате мы имеем дело с открытой для других данностью; правда, только в том случае, если человек говорил открыто и доверяя собеседнику; в других случаях разговор – неподдающаяся исследованию тайна...

§ 48. Данности не связываемы посредством заключения

Пусть даже вещь не противоречит самой природе взаимосвязи между вещами; все равно части рассказа трудно упорядочить в виде выводов, ибо не всегда налицо все обстоятельства, имевшие место; аналогично доказательство неосуществимо, когда есть только одна посылка. Даже если данности силлогистически связаны, фрагменты исторического повествования так связаны быть не могут из-за случайностей вещей, из-за того, что люди не только активны, но и испытывают на себе влияние чего-либо, наконец, из-за того, что выводы иногда должны быть выводимы не из самой вещи, а из действующих причин. Можно также показать, что влияние каждого индивидуального (*individuorum*) в мире на других зависит от индивидуальных обстоятельств, а это не может быть приведено в вид всеобщих истин, стало быть, не может быть оформлено в виде вывода. Однако мы старательно избегаем всяких метафизических наблюде-

ний, чтобы сперва представить нашим читателям в природном порядке и ясности то, что не противоречит известнейшим понятиям человеческого рода.

§ 49. Дальнейшее доказательство изложенного

Если мы делаем заключение, выводом которого будет данность, причины которой мы исследуем, но сами эти причины мы видим неясно, то вывод не будет иметь законченного вида... Наиболее легко описываемыми кажутся те данности, в которых человек нечто делает в силу своего желания или должности, здесь можно говорить о законах. Но и это ясное знание нельзя упорядочить в виде вывода; к примеру:

Пастухи ждут стадо, Кай – пастух, следовательно, Кай ждет стадо.

Неужели нет нерадивых пастухов? Или пропадает то, что у Кая внутри на самом деле? Пусть первое предложение звучит так: пастухи должны ждать свое стадо. Тогда Кай должен ждать свое стадо, но ведь он не обязательно его ждет. Мы имеем дело с желанием и свободой человека. И это правит пониманием. Если мы видим, что человек действует частично в соответствии с природой окружающих его вещей, а частично в соответствии со своими добрыми или злыми наклонностями, то мы приближаемся к полному пониманию причин данностей. Если же действие не

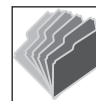
таково, каким его можно было ожидать, то дело в свободе.

§ 50. Объяснять историю

Так и возникает объяснение истории, которое нельзя смешивать с ее прояснением, разъяснением (в ходе которого изымаются необоснованные или неверные суждения). Произшедшее воспроизводится в рассказе так, что видно или описываемо суждение – либо потому, что все согласуется с разумом, либо видны ошибки, недобродетели и грехи людей – и все объяснимо в силу человеческой свободы, либо вещь, произошедшая без всякого основания (и все кажется противоречащим человеческому пониманию), проясняется. К примеру, если ведут речь о друзьях, ныне враждующих, рассказ кажется противоречивым, но он станет понятным, если ввести одну данность – как они разорвали друг с другом...

§ 51. Взаимосведение данностей

Пусть две данности не только следуют друг за другом, но и вытекают одна из другой, однако одна не относится к другой, как посылка к выводу – ведь последующее только частично имеет основание в предыдущем... Нет ничего естественного в ненависти к убийце – «он не только может убить, он убьет обязательно», но разве это верно? Лучше говорить о сцеплении данно-

стей – подобно взаимодействию костей в одном суставе...

§ 52. Что зовется основанием истории?

История есть ряд данностей, которые следуют одна за другой и сцеплены одна с другой... Каждая последующая данность усматривается, как и предыдущая, суждением созерцания; поэтому *познание есть исторический ряд суждений созерцания*, которые передаются от одной души к другой через сообщения, рассказы, известия, повести, пересказы... Если мы хотим найти в исторических предложениях, составляющих рассказ, их специфичность и отыскать то, что заменяет в них и сходные положения (*principiis*) и доказательства, то это можно сделать следующим образом. Исходным пунктом истории является определенная совокупность обстоятельств, из которых следует решение или действие, которое влечет за собой множество следствий (§ 12). Эту совокупность обстоятельств необходимо рассматривать вне истории и отличать от истории, но ее необходимо понять для познания данностей и их причин. Первая данность в силу того, что она первая, и начинается историю; она знаменательна для всех остальных – ее можно называть основанием истории. Лучше использовать латинское *cardo*²³, а не *principium*, употребляемое для всеобщих истин, ибо иначе покажется, что в истории нет ничего скрытого. То, что связано с первой дан-

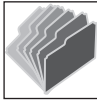
ностью, называют следствиями – их уже по привычке различают с силлогическим следствием, выводом – поэтому этот термин можно использовать безбоязненно.

Глава 9. Ясность истории или историческое познание

§ 4. Руководящие положения против тотальной вероятности истории

Во избежание путаницы в понятиях необходимо понять следующее:

1. Демонстрация (доказательство) и ясность не тождественны; демонстрация ведет к ясности посредством всеобщих истин.
2. Ясность достигаема не только доказательством (к примеру, аксиомы).
3. Ощущение – не сама ясность, ясность – возможное свойство чувственных представлений.
4. Для доказанных суждений противоположное противоречиво; в отношении всеобщих истин дело обстоит так же; однако из этого не следует, что ясность вещи в том и состоит, что противоположное противоречиво; но и то, противоположность чего противоречива, может не быть ясным.

5. Для определения ясности нельзя взять следующее: «ясно то, противоположность чего противоречива».

6. Ясность – качество не вещей, а нашего познания.

§ 9. Правильное усмотрение вещи делает ее ясной

Доказательство приносит ясность... Но бывает, что нет заключений, но есть ясность, как при доказательстве... Предмет видят правильным образом, достигая его правильно...

Глава 10. Об исторически правдоподобном

§ 1. Противоположность исторической ясности

Неясно то, что познается не тем правильным путем, которым можно проникнуть в вещь. Это можно прояснить исходя из внутренних качеств ясности. При познании вещи правильным путем нельзя быть уверенным в том, что полученное суждение никто другой не изменит, не испортит или, напротив, не исправит. В историческом познании подобное происходит часто, и именно поэтому, что того правильного взгляда у нас уже в наличии нет²⁴...

Примечания переводчика

Работа «Всеобщая наука истории» выпущена Хладениусом в свет в 1752 г. Она представляет собой переработку курса лекций «*Ars historica*», которые Хладениус с 1749 г. читал в Эрлангенском университете. Перевод осуществлен по изданию: *Chladenius J.M. Allgemeine Geschichtswissenschaft. Leipzig, 1757*. На русском языке публикуется впервые.

¹ Написана И.М. Хладениусом в 1747 г. на основе магистерской диссертации «*De sententiis et libri sententiosis*», защищенной в 1732 г. в Виттенбергском университете.

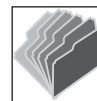
² С 1742 г. Хладениус – профессор церковной истории в Лейпцигском университете.

³ Речь идет о книге «Введение к правильному истолкованию разумных речей и произведений»; далее Хладениус кратко излагает ее содержание.

⁴ Имеется в виду книга Хладениуса «Священная логика» (1747).

⁵ Все, с чем мы встречаемся в истории, относится, по Хладениусу, либо к физическим телам (дома, дороги, морозы и т.д.), либо к действиям, либо к моральным сущностям (кафедра, фабрика и т.д.).

⁶ Имеются в виду работы «Практическая логика» (1742) и упоминавшиеся выше «Введение к правильному истолкованию...» и «Священная логика».

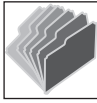
⁷ «Скептицизм» во времена Хладениуса характеризуется следующими признаками: 1) возможность познания вещи через непосредственное чувственное восприятие и дальнейший переход к идее; 2) познание идеи не может быть абсолютно четким; 3) все доказательства вероятны (сравни, к примеру, часто встречаемые «скептицизм платоновской академии», «скептик Скалигер, полагавший, что квадратура параболы открыта Архимедом благодаря случайному взвешиванию деревянной параболы» и тому подобное); под историческими скептиками Хладениус имеет в виду, вероятно, Б. Спинозу и Ф.В. Бирлинга, в книге которого «*De iudicio historico*» (1703) высказаны скептические (в указанном выше смысле) суждения об историческом познании.

⁸ Во времена Хладениуса к натуралистам относили, во-первых, школу Т. Гоббса, считавшего каждую субстанцию (в том числе Бога) телесной; во-вторых, школу, считавшую, что необходимости подчинены и бестелесные субстанции; с их точки зрения «Бог играет в мире такую же роль, как пружина или гирия в часах» (по выражению Лейбница), у истоков ее – Б. Спиноза.

⁹ Здесь Хладениус воспроизводит взгляды Г.В. Лейбница.

¹⁰ Отсылка к греческому происхождению слова не случайна, если вспомнить бурные дискуссии того времени «о соотношении новых и древних философов».

¹¹ Хладениус буквально следует Лейбницу. «Совершенно справедливо, что когда несколько предикатов приписываются одному и тому же субъекту, а этот субъект не приписывается никакому другому, то его можно назвать индивидуальной субстанцией; но этого недостаточно, и такое объяснение только словесное. Поэтому нужно рассмотреть, что значит быть подлинно приписанным какому-либо субъекту. Не подлежит сомнению, что всякое действительное свойство предикативности имеет некоторые основания в природе вещей и когда предложения бывают тождественны, т.е. когда предикат не включается прямо в субъект, то он должен включаться в него потенциально, а это есть то, что философы называют *in esse*, говоря, что предикат находится в субъекте. Таким образом, термин “субъект” всегда включает в себя термин “предикат”, так что тот, кто мог бы в совершенстве овладеть понятием какого-либо субъекта, мог бы также сделать вывод, что последнему принадлежит какой-то предикат. Следовательно, мы можем сказать, что природа индивидуальной субстанции или целостного существа состоит в том, чтобы иметь настолько полные и законченные понятия, что его было бы достаточно, чтобы понять и вывести все предикаты того субъекта, которому оно принадлежит. Акциденция же есть такое событие, понятие которого вовсе не включает в себе всего того, что можно приписать субъекту, кото-

рому мы придаем это понятие. Так, свойство царя, принадлежащее Александру Великому, будучи взято отдельно от субъекта, не обладает достаточной индивидуальной определенностью и не включает в себя ни других качеств того же самого субъекта, ни того, что содержит в себе понятие названного государя; тогда как Бог, представляя индивидуальное понятие, или *haecceitatem* Александра, видит в нем в то же время основание и причину всех предикатов, которые действительно могут быть высказаны об Александре (например, что он победил Дария и Пору), и мог бы даже узнать априори (а не путем опыта), естественною смертью ли он умрет или от отравы, что мы можем знать только из истории» (*Лейбниц Г.В. Рассуждения о метафизике. Соч. Т. 1. С. 131–132*).

¹² Это легко проясняется, если иметь в виду следование Хладениусом философии Лейбница. Ведь субъект относится к идеям, созерцаемым божественным умом (и являющимся божественным умом), к вечному порядку мира.

¹³ Название будет после исследования (лат.)

¹⁴ Речь идет о «письме Лейбница к Гоббсу» от 13/22 июля 1670 г.

¹⁵ Опять же лейбницианский пассаж. Через восприятие мы приходим к монаде вечного порядка, в определенном смысле «обобщенной вещи», обладающей материей в том смысле, что она может быть овеществлена, а

взгляд внутрь себя легко обнаружит, с перцепцией или апперцепцией мы имеем дело.

¹⁶ Физика считалась наукой аналитической, так как материи приписывались математические характеристики: через протяженность, непроницаемость переходили к употреблению неделимых и бесконечных для измерения, а последние традиционно относились к ведению ума. В то же время шла полемика со «скептиками» (см. примеч. 7) о возможности достижения априорных истин через опыт. При достижении априорных истин взаимодействия с внешним миром неизбежно, но оно, вслед за Лейбницем полагает Хладениус, не приближает к сути. Не признающие опыт, равно как и признающие только опыт «не сумеют отличить продолжительный обморок и смерть», что соответствует афористически сформулированной позиции Лейбница, которой придерживается и Хладениус.

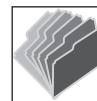
¹⁷ Так понятийно интерпретирует Хладениус монадологию Лейбница.

¹⁸ Ибо если мы не видим отчетливо конкретную идею мирового порядка, то можно сориентироваться, исходя из мирового порядка целиком; он есть совершенство и благо. Поступок в соответствии с благом – благой, праведный.

¹⁹ Всестороннее рассмотрение (лат.), расчленение – рассмотрение (лат.).

²⁰ См. примеч. 16.

²¹ Работа Хладениуса 1748 г. Суть проблемы в следующем: ес-

ли мы или 1) не знаем отчетливо данный субъект, или субстанцию, или 2) ведем речь о возможном свойстве (свойстве в силу не только самой субстанции, но и существующего сцепления вещей (которое, разумеется, не случайно)) – например, о свойстве Цезаря выиграть битву в Фарсальской долине (оно связано с понятием «Цезарь» и обстоятельствами римской истории того времени); все это не необходимо («ничто, противоположное чему возможно, не включает в себе необходимости» – Лейбниц), и мы не имеем строгих правил отбора правильного варианта.

²² Работа написана Хладениусом в 1742 г.

²³ Предмет, возле которого все вертится, – главное обстоятельство (лат.).

²⁴ Здесь Хладениус опирается на Лейбница. Так как, по Лейбницу, существует мировой поря-

док субстанций и он как бы есть в каждой из них, человеческой душе как субстанции контуры знания преданы. Видение мира, всегда существуя, может обладать разной степенью отчетливости (как если бы микроскоп был разной настроенности и вследствие этого давал бы разную четкость изображения). Возможно отчетливое видение – его надо фиксировать. Хладениус добавляет: вместе с видением, со способом настройки микроскопа, ибо нет ничего, что противоречило бы божественному порядку в мире вещей, и акциденции тоже не могут противоречить природе субстанции – и тем самым в каждом проявлении есть нечто общее. Значимое, правила разума в мире данностей имеют место и наука о видении божественного порядка в мире вещей возможна.

Перевод Ю.Д. Артамоновой